Памяти моего брата,
Дэвида Карлайла

Пролог

Первые двенадцать дней нашей жизни мы были одним человеческим существом. Мозги нашего отца и красота нашей матери слились воедино в одном благословенном эмбрионе, единственном наследнике сказочного богатства Кармайклов.

А на тринадцатый день мы разделились. Едва успели. Еще один день, и разделение было бы неполным. Мы с Саммер стали бы сиамскими близнецами — не исключено, что и делящими на двоих какие-то важные внутренние органы, — и в итоге нам светило либо остаться на всю жизнь прикованными друг к другу, либо подвергнуться хирургической операции по разделению, в результате которой обе мы могли остаться калеками.

Но и без того то разделение в материнской утробе вышло далеко не идеальным. Мы с Саммер, может, и похожи друг на друга, гораздо сильней похожи, чем большинство близнецов, но мы — так называемые «зеркальные» близнецы, зеркальные отражения друг друга. Незначительная асимметрия лица моей сестры — ее правая щека чуть полнее, правая скула чуть выше — в точности воспроизведена на моем лице с левой стороны. Остальные не замечают этой разницы, но когда я гляжусь в зеркало, то вижу там не себя. Я вижу Саммер.

Когда нам было по шесть лет, отец взял в собственной фирме «Кармайкл браззерз» длительный отпуск, и мы всей семьей отправились на парусной яхте в долгое плавание вдоль восточного побережья Австралии и далее в Юго-Восточную Азию. Наш родной городок, Уэйкфилд[1], — последнее место, в котором можно искупаться без риска для жизни; дальше начинается территория, облюбованная крокодилами. Так что в этом плавании мы с Саммер и наш младший братец Бен бóльшую часть времени играли исключительно на борту нашей яхты.

На «Вирсавии» мне нравилось абсолютно все. Яхта эта не серийная — построена она по индивидуальному проекту, и ее поджарый, со стремительными обводами алюминиевый корпус, вооруженный бермудским шлюпом[2], по полной программе отделан ценными породами дерева: палуба тиковая, внутренняя меблировка из дуба... Но больше всего мне приглянулось оригинальное двойное зеркало в санузле. На верфи вставили два зеркала в угол строго перпендикулярно друг другу, да так аккуратненько, что едва различишь линию стыка. Когда я просто смотрелась в одно из зеркал, то, как обычно, видела перед собой Саммер. Но стоило нацелиться взглядом строго между ними, на еле заметную вертикальную линию в самом углу, как все вставало на свои места. Я видела в отражении свое истинное лицо.

— Когда я вырасту, у меня в доме тоже будет такое зеркало! — сказала я как-то Саммер, глядя, как серьезного ви-

[1] Хотя городок Уэйкфилд и одноименная река по соседству с ним в Австралии действительно есть (на самом юге), в данном случае городок вымышленный. Автор поместила его в жаркой северной части штата Квинсленд, на восточном побережье Австралии. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

[2] Читателей, незнакомых с морскими и яхтенными терминами, отсылаем к глоссарию в конце книги; в тексте таких терминов довольно много.

да белобрысая девчонка в зеркале шевелит губами в такт моим словам.

Саммер положила свою крошечную ручонку мне на грудь.

— Но, Айрис, ты же вроде всегда любишь повторять, что у тебя все правильно... только наизнанку, типа как на левую сторону вывернуто.

— Зеркала не меняют того, что внутри! — Я сбросила ее руку. — А потом, с чего это на левую? Это ведь у меня сердце с правой стороны!

Мы представляли собой самый крайний случай «зеркальности», какой только видели наши врачи. И дело было не только в лицевых отличиях, практически незаметных без точных замеров кронциркулем. Сразу после рождения нам обеим сделали УЗИ, и тут же выяснилось: печень, поджелудочная железа, селезенка, да и вообще все мои внутренние органы расположены не на той стороне тела. Так-то врачи и определили, что мы разделились слишком поздно. Когда я лежала совершенно неподвижно и смотрела на свою голую грудь, то в такт ритмичному постукиванию внутри поднималась и опадала как раз ее правая сторона, неопровержимо доказывая, что сердце у меня расположено не там, где надо.

У Саммер же все внутри было как полагается. Саммер оказалась без изъяна.

Часть I
АЙРИС

Глава 1
ЗЕРКАЛО

Просыпаюсь в кровати Саммер, уткнувшись лицом в пухлые подушки, раскиданные по белоснежной ткани. От этого опять чувствую себя малолетней девчонкой, ради прикола поменявшейся местами с сестрой-близняшкой, однако все теперь по-другому. Теперь мы взрослые, а кровать — еще и Адама.

Перекатываюсь на бок, оглядываю супружескую спальню. Все тут огромное и роскошное, все в мягких сливочных тонах, хотя ковер — цвета спелого персика. Есть что-то противоправное в том, что я лежу здесь, пусть даже Саммер с Адамом и в тысячах миль отсюда, даже не в Австралии. Кто-то, должно быть, сменил постельное белье после их отъезда, но я все равно чувствую запах Саммер. Пахнет она всякими невинными вещами: лосьоном от загара, яблоками, пляжем...

Комната просто-таки дышит Саммер, и когда я вспоминаю, что это не она выбирала тут обстановку, невольно поеживаюсь, как от фальшивой ноты. Этот дом уже принадлежал Адаму, когда Саммер вышла за него — вскоре после того, как умерла его первая жена, Хелен. Все тут выглядит практически так же, как и в прошлом году, в день свадьбы Саммер. Словно моя сестра просто заполнила собой то го-

товое жизненное пространство, которое оставила после себя другая женщина. Она вообще человек неконфликтный.

Широченная кровать пристроилась в выступе эркера, из окон которого открывается до неприличия шикарный вид на уэйкфилдский пляж. Не без труда усаживаюсь — кровать слишком мягкая — и кладу подбородок на изголовье красного дерева, купая лицо в свете восходящего солнца. Бирюза Кораллового моря смешивается с золотистыми осколками отраженных солнечных лучей. Хочется оказаться сейчас в воде, окунуться во все это разноцветие. Есть кое-что, что мне необходимо с себя смыть.

В одну сторону отсюда, с края утеса, видна река Уэйкфилд, которая прорезает землю к северу от города, словно разверстая рана. Впрочем, Саммер всегда обожала эту реку. Поскольку это ареал обитания гребнистых крокодилов, купаться там нельзя. Сестра любит в полной безопасности глазеть на них с моста, который построил наш отец, — это был его самый первый строительный проект.

В другой стороне с севера на юг простирается великолепный пляж, дикий и открытый океанским волнам. На полпути к линии прибоя прочие прибрежные обиталища напрочь затмевает один здоровенный особняк, изумляя публику претензией на викторианский стиль с почему-то византийским налетом. Это дом, в котором мы выросли, — по крайней мере, там мы жили до смерти отца.

Моя мать, Аннабет, похоже, все еще спит в гостевой комнате, так что это мой шанс ознакомиться с законными трофеями Саммер. Доведись мне присматривать за домом, я не стала бы втискиваться в гостевую спальню, но Аннабет просто-таки упивается своей непритязательностью. Она и мне пыталась помешать завалиться здесь, когда я явилась вчера на ночь глядя, но я просто не смогла устоять.

Выпутавшись из горы подушек и простыней, потираю босые пятки о толстый ковер. Март в Уэйкфилде — это еще разгар лета[1], и когда я начинаю неслышно кружить по комнате, теплый воздух целует мое обнаженное тело. Вчера в это же время я была в новозеландских горах, где зима уже выстудила утренний воздух первым морозцем.

Одна стена огромного встроенного гардероба, почти комнаты, сплошь увешана платьями Саммер — просто в глазах рябит от шелка и кружев. Удивляюсь, что выдвижные ящики по-прежнему доверху набиты нижним бельем, хотя они с Адамом планировали провести за морем не меньше года. Бельишко — типичное для скромняшки Саммер, всё в цветочках-розочках, целомудренного фасона, что больше к лицу десятилетней девчонке, а не замужней женщине двадцати трех лет от роду. Его тут просто немерено, она наверняка и не заметит, если половина пропадет — хотя не то чтобы я мечтала прибрать что-то к рукам. Наверное, на яхте все ее шмотки просто не поместились.

На яхте. На «Вирсавии». Вот в этом-то вся и загвоздка. Вот почему я чувствую себя так, будто мы с Саммер поменялись местами. Потому что Саммер — на «Вирсавии». А «Вирсавия» — не моя, она никогда не была моей и никогда не будет моей, но почему-то мне кажется, что так быть не должно. Такое чувство, будто Саммер спит в моей постели, на моей яхте.

Сестра никогда не любила «Вирсавию», но теперь «Вирсавия» — это ее дом. Они с Адамом купили ее, купили честь по чести из оставшегося после отца имущества, и теперь владеют ею точно так же, как владеют домом, в котором я сейчас остановилась.

[1] Наверное, стоит напомнить, что Австралия расположена в Южном полушарии, и наши весенние и летние месяцы там соответственно осенние и зимние.

А чем владею я? На глазах уменьшающимся банковским счетом, обручальным кольцом, которое мне больше на фиг не нужно, кое-какой меблишкой, которую я оставила в Новой Зеландии... Фортепиано, на котором я наверняка больше не буду играть... Да и инструмент по-любому был дешевый. У Саммер с Адамом есть получше.

Подхватываю лифчик и трусики такого невинного вида, что это почти детское порно. От желтой хлопчатобумажной ткани в клеточку за версту разит школой-интернатом — хоккейными клюшками и холодными ваннами. Лифчик размера «DD», а я ношу просто «D», но он мне вроде впору. Влезаю в трусики. Хочу поглядеть, как Саммер во всем этом смотрелась.

Когда уже застегиваю лифчик, где-то в глубине дома звонит телефон. Блин, он разбудит Аннабет! Похоже, придется смириться с необходимостью иметь дело и с ней, и с ее вопросами насчет того, почему я свалилась сюда как снег на голову. Вчера вечером я сделала вид, будто падаю с ног от усталости.

Не успеваю даже подумать, как Аннабет врывается ко мне.

— Здесь она, здесь, — говорит она в трубку, семеня через спальню в старомодной ночнушке. Ее светлые волосы, тронутые сединой, распушились и торчат во все стороны. Моя мать уже в том возрасте, когда требуются макияж и средства ухода за волосами, чтобы добиться той красоты, с которой она родилась; сейчас мама выглядит не лучшим образом. — Нет, нет, она уже встала... Ой, какой чудный лифчик, Айрис! У Саммер точь-в-точь в такую же клеточку.

Ее сонные голубые глаза близоруко присматриваются ко мне. Она машет трубкой у меня перед лицом, словно я не увижу ее, если только не сунуть ее мне прямо под нос.

Выхватываю телефон, шикаю на Аннабет, чтобы убралась из комнаты.

— И дверь за собой закрой! — кричу ей вслед.

Интересно, кто мне может звонить? Да кто вообще в курсе, что я вернулась в Австралию, не говоря уже о том, что я в доме сестры?

— Алло? — Мой голос звучит опасливо, словно меня застукали там, где мне быть не положено.

— Айрис! Слава богу, что ты там! — Это Саммер. Ее голос прерывают судорожные всхлипы. — Тебе придется мне помочь! У нас беда. Только ты сможешь нам помочь!

Не могу до конца сфокусироваться, поскольку гадаю, не сдала ли меня с потрохами обмолвка Аннабет. Посягательства на личные шмотки порой способны пробудить у Саммер прямо-таки животные территориальные инстинкты. Но, похоже, моя сестра ничего не слышала. Твердит что-то про Адама — что-то насчет того, как я ей нужна, как я нужна Адаму... Он, мол, хочет, чтобы она сказала, что это его идея, и буквально молится на то, что я соглашусь.

Взгляд упирается в вешалку с белыми деловыми рубашками Адама. Каждая хранит его очертания, словно шеренга невидимых Адамов одета в них, выстроилась здесь в гардеробе передо мной. Рубашки так широки в груди, с такими длинными рукавами... Снимаю одну вместе с плечиками, подношу к лицу. От нее пахнет гвоздикой. Представляю себе Адама в этом девственно-белом, подчеркивающем его смугловатую кожу, от которой словно постоянно пышет жаром...

— Бедный малыш, у него пиписька распухла и покраснела, и из нее что-то сочится... Просто ужас! Крайняя плоть так растянулась... Он все время плачет.

О чем это вообще она? Просто сгораю от любопытства. Мы, конечно, близняшки, но у нас все-таки *не такого рода* отношения. Никогда раньше не слышала, чтобы Саммер обсуждала чей-то пенис, не говоря уже о пенисе собственного мужа. Что еще за хрень там с ним приключилась?

— Самое ужасное, что у него эрекция! Это очень болезненно. У малышей бывает эрекция, знаешь ли. Тут ничего сексуального.

У малышей?

— Погоди-ка, — говорю. — Так ты про Тарквина?

— А о ком еще я могу говорить?

Молчание.

Тарквин. Еще одно сокровище, которое Саммер получила после смерти Хелен, до кучи с домом Хелен и мужем Хелен. Ребенок.

Саммер — теперь мать Тарквина. Адам и Саммер сошлись на том, что Тарквин заслуживает нормальную семью, так что тот, видать, называет Саммер «мамуля». Или, по крайней мере, будет называть, если этот шкет в принципе когда-нибудь научится говорить.

— Саммер, вообще-то я в курсе, что у маленьких мальчиков бывает эрекция, — замечаю я. — У нас с тобой есть младший братик, если ты вдруг забыла. Я уже видела такие вещи.

Саммер искренне считает, что я ни черта не знаю про детей, постоянно растолковывая мне, что их нужно ежедневно купать, вовремя укладывать спать и тэдэ и тэпэ, словно полной дуре. Меньше всего мне сейчас хочется думать про Тарквинову пипиську, особенно если из нее что-то капает.